

облегчить продолжение его исследований в Турции и других странах, успокоить ведомства в России; менять ее позднее Чихачёв по понятным причинам не мог.

В связи с изложенным можно вспомнить полковника Т. Лоуренса (1888–1935), по образованию археолога, сменившего эту профессию на деятельность разведчика, направленную на усиление британского влияния на Ближнем и отчасти на Среднем Востоке. «Лоуренс Аравийский» – один из национальных героев Англии: о нем написаны книги и сняты кинофильмы. П. А. Чихачёв, напротив, с юных лет был нацелен на участие в неофициальной внешней политике, получил специальную подготовку, приобрел в этом опыт и проявил незаурядные способности, но вопреки всему стремился к возможности вести научные исследования и свободно излагать свои мысли. Учитывая его первую профессию, достичь этого было невероятно трудно. Однако судя по работам, написанным в период реальной эмиграции, он понимал также, что Россия – независимо от ее политического режима – в силу своего географического положения и истории всегда будет причастна к проблемам, связанным с Востоком (в широком понимании), и иметь там свои интересы. То, что Чихачёв оказался к ним лично причастен, вполне совместимо с его либеральными и демократическими убеждениями.

В биографии П. А. Чихачёва остается много неясного. Но и то, что известно, позволяет отказаться от упрощенного объяснения причин его эмиграции, а также от использования стандартных идеологических ярлыков образца середины XX в.⁵⁰ Нет необходимости умалчивать о характере его участия во внешнеполитической деятельности Министерства иностранных дел николаевской России, равно как нет оснований считать, что он разделял революционные идеи декабристов. С другой стороны, либеральные и демократические убеждения Чихачёва (применительно к демократии можно обойтись без сакраментальных эпитетов «буржуазная» и «революционная»), напротив, могли сложиться достаточно рано, но не проявлялись публично. Ответственная служба в Министерстве иностранных дел до конца 1830-х гг. и негласное сотрудничество с рядом ведомств России до середины 1850-х гг. объясняют сдержанность Чихачёва в изложении политических вопросов; его взгляды отражены в более поздних работах.

Не все выводы, изложенные выше, можно считать определившимися. Часть из них – версии, логически вытекающие из опубликованных данных, которые желательно подкрепить документами. Хотелось бы, чтобы к 200-летию со дня рождения П. А. Чихачёва (2008 г.) была разработана более полная и объективная биография ученого, для чего потребуются дополнительные архивные разыскания, в том числе за пределами России. Однако и то, что достоверно известно, показывает, насколько многогранной была эта неординарная личность.

⁵⁰ Политическую эволюцию П. А. Чихачёва В. В. Цыбульский сформулировал следующим образом: «...Если в первой половине XIX в. П. А. Чихачёв в общественно-политическом отношении принадлежал к лицам, которые вдохновлялись идеями дворянской революции, то в 50–60-х годах он испытывал огромное влияние либерализма и буржуазной демократии, хотя по целому ряду вопросов не раз склонялся на сторону революционной демократии» (Цыбульский. Петр Александрович и Платон Александрович Чихачёвы... С. 152).

Н. И. БЫСТРОВА

«О ПАМЯТЬ СЕРДЦА, ТЫ СИЛЬНЕЙ РАССУДКА ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ...»

(К 70-летию со дня рождения В. Ф. Быстрова)

Существенная ошибка людей в понятиях о жизни есть та, что целью ее они считают счастье, тогда как разум должен ставить на место счастья долг.

А. В. Никитенко

Быстров Владимир Федорович – член-корреспондент АН СССР (1979), лауреат Государственной премии (1985). Был награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), орденами «Знак Почета» (1975), Дружбы народов (1981) и Трудового Красного Знамени (1985), а также золотой медалью Я. Гейровского Чехословацкой академии наук за заслуги в области химических наук. Одним из первых разработал методы применения спектроскопии ядерного магнитного резонанса (ЯМР) для анализа химической и пространственной структуры органических молекул и биополимеров. Уравнение, устанавливающее взаимосвязь между константой спин-спинового взаимодействия протонов и двугранным углом, в международной литературе получило имя Быстрова. Автор свыше 380 научных трудов, индекс ежегодного цитирования которых до сих пор не опускается ниже 40. В течение 19 лет (1971–1990) был заместителем директора Института биоорганической химии им. М. М. Шемякина РАН. В. Ф. Быстров в разные годы являлся председателем Комитета по биотехнологии при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, ученым секретарем Научно-методического совета по проблемам медицины АН СССР, членом Национального комитета советских биохимиков АН СССР, Центрального совета Всесоюзного биохимического общества, бюро Отделения биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР, совета Международного общества магнитного резонанса, Европейского комитета экспертов по биофизике при ЮНЕСКО и еще более десяти различных советов и комиссий¹.

Задача, стоящая передо мною, весьма непростая. Мне очень трудно писать о нем, но и не писать я не могу. Я хочу, чтобы коллеги и мои друзья, каковыми я считаю большинство сотрудников нашего института, где я работаю без малого 35 лет, вместе со мной вспомнили замечательного человека, блестящего ученого, прекрасного представителя нашего интеллигентского братства, моего мужа и друга Владимира Федоровича Быстрова, 70 лет со дня рождения которого исполнилось в конце 2005 г.

Быстров Владимир Федорович родился в Ленинграде 31 декабря 1935 г. Его родители были выходцами из крестьян Архангельской губернии. Отец, Федор Петрович, прошел путь от рабфака до профессора Института внешней торговли, затем начальника валютного управления Министерства внешней торговли СССР и профессора Института международных отношений.

¹ Владимир Федорович Быстров (1935–1990). М., «Наука», 1993. 90 с.

PASS
to
Government
Purchasing Commission
of the Soviet Union
in the U.S.A.
3355 16th STREET N.W.
Washington, D. C.
Michigan 9121

*Пропуск Ф. П. Быстрова в здание
Закупочной комиссии СССР в США, 1943 г.*

В 30-е гг. семья жила в Ленинграде, где их застали война и блокада. Крестьянская привычка иметь запасы всего необходимого на некоторое время помогла им выжить первое время. Мать Владимира, Мария Николаевна, рассказывала, что практически от голодной смерти их спасли случайно не выброшенные вовремя картофельные очистки, которые она, тщательно промыв, смешивала с мукой и пекла из них некое подобие лепешек. Вскоре была задействована программа поддержки «красной профессуры», и отец периодически имел возможность по неделе-другой проживать в развернутом в гостинице «Астория» профилактории, где получал некоторое дополнительное питание, что помогло ему избежать крайнего истощения. Сохранились дневники отца о жизни в блокадном городе, которые служат бесценным источником сведений о тяжелых временах, изложенных со скрупулезной точностью ученого-финансиста.

3 июля 1942 г. семья была эвакуирована вместе с Институтом внешней торговли, который Ф. П. Быстров возглавлял с 20 августа 1941 г. В семейном архиве сохранились справки об эвакуации из Ленинграда. Быстровы проживали в Москве в гостинице «Метрополь». (Через много лет нам повезло проводить банкет по поводу избрания Владимира членом-корреспондентом РАН в ресторане гостиницы «Метрополь», и он с изумлением бродил по местам далекого детства.) Ф. П. Быстров входил в состав комиссии по разработке устава Международного валютного фонда, а в 1943 г. был назначен на работу в закупочную комиссию по ленд-лизу в Вашингтон. Владимир часто рассказывал о полном опасностей морском путешествии в США на транспорте, сопровождаемом военными катерами и подводными лодками, об обстрелах немецкими самолетами, о том, как мама прятала его в каюте от санитарной инспекции, когда он заболел корью.

Жизнь в благополучном уважаемом районе Вашингтона после ужасов блокады и военной России не могла не оказать мощного воздействия на формирование личности семилетнего Володи. Спокойная, уважительная манера общения между людьми, охрана частной жизни и невмешательство в чужие дела, свойственные американскому обществу, подчеркнутая вежливость и нарочитая воспитанность узкого круга заграничников способствовали тому, что у него со временем выработалась особая, приятная манера поведения, спокойно-сдержанная, независимая и очень уважительная, что пригодилось ему в дальнейшем на административной работе. Он мог быть жестким по сути и корректным по форме в общении с коллегами и подчиненными.

Английский язык он знал с детства. Это не только значительно раздвинуло границы его мировоззрения, но и дало ему шанс раньше других быть полноценно включенным в международное научное сообщество, иметь публикации в западных журналах, активно участвовать в международных конференциях и приобрести известность в других странах. Дома хранится его картотека зарубежных ученых, с которыми он встречался на конференциях, пересекался по работе, состоял в переписке. Карта мест, откуда приходили поздравительные новогодние открытки, охватывала почти весь земной шар от Австралии до Японии.

Географию он начал изучать с раннего детства, собирая филателистическую коллекцию, вначале с помощью отца, имевшего обширную переписку с зарубежными странами. Коллекция марок сохранилась нетронутой.

После возвращения из США в 1946 г. Федор Петрович получил назначение в Министерство внешней торговли, где возглавил валютное управление. Жил в Москве в гостинице «Савой» в ожидании, когда в 10 минутах ходьбы от строящегося на Смоленской площади высотного здания Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли будет построен жилой дом на ул. Чайковского (ныне Новинский бульвар). Володя с матерью оставались в Ленинграде, где он учился в школе, и виделись с отцом в редкие минуты, когда тот мог выбраться на выходной в Питер, или они приезжали с мамой на школьные каникулы в Москву и жили у отца в гостинице. Новый, 1950 год, семья встретила в Москве. Владимир пошел в школу в 8-й класс, где прошел нелегкий период адаптации к новому коллективу.

Формирование личности Володи происходило под сильным влиянием отца, человека незаурядного, имевшего собственные неординарные суждения об устройстве мира. Высокая порядочность и честность, исключительные способности, врожденная деликатность – вот его основные органические черты. Возглавив валютное управление, он часто по долгу службы выезжал за рубеж, где экономил выделенные ему «суточные» и по возвращении в страну сдавал их государству. Редкое трудолюбие позволило ему в закрытой стране постичь финансовые проблемы западного образца, не имея фактически никакой специальной литературы. Приведу его собственноручное расписание на день отпуска в 1955 г.: «Встал в 6 утра, после короткой прогулки позавтракал, в 7 часов послушал по радио новости. Во время продолжительной прогулки повторял по памяти английские экономические тексты, после обеда до вечера читал экономическую литературу». На отдельном листке его рукой выписаны цитаты из мемуаров А. В. Никитенко: «Главное – быть достойным собственного уважения, все прочее не стоит внимания»; «Много трудиться и мало требовать взамен своей работы» и «Есть два вида прогресса: один можно назвать прогрессом сломя голову, который часто проскакивает мимо цели, а другой – умеренно, постепенно, но верными шагами идущий к цели». Проведя три года на службе в США, он выучил английский язык и впоследствии, чтобы поддерживать его на должном уровне, читал книги на английском языке. Дома сохранилась приличная библиотека, содержащая главным образом детективы Агаты Кристи, повести о Джеймсе Бонде, мемуары политиков. Красочные детские книжки, изданные в США в начале 40-х гг., такие, как «Сказки братьев Гримм», «Сказки матушки гусыни», «Хижина дяди Тома», бережно прочитываются в нашей семье уже третьим поколением детей. В трудные годы начала 90-х, когда крушение мира вокруг нас совпало с трагедией нашей семьи, и средняя дочь Дарья подрабатывала всеми возможными способами, в том числе и обучением детей дошкольного возраста английскому языку, который она сама знала с ранних лет, эти книги являлись ее единственным пособием. Федор Петрович писал свои краткие заметки

В. Ф. Быстров с лауреатом двух Нобелевских премий Л. Полингом

(главным образом во время отпусков, болезни, поскольку был крайне занятым человеком, по поводу потрясших его событий, например смерти друзей или близко знакомых ему людей) по-английски.

Здесь следует сказать также о той роли, которую играла в воспитании Владимира мать, Мария Николаевна. Будучи человеком скромным и оптимистической крестьянской закалки, она имела огромное влияние на сына, поскольку проводила с ним гораздо больше времени, чем отец, который, работая под руководством А. И. Микояна в годы сталинского правления, практически не бывал дома. Она привила сыну скромность, аккуратность, трудолюбие, стремление все доводить до конца. В нищее и полуголодное время конца 40-х – начала 50-х гг., когда людям трудно было справиться даже единственную приличную одежду детям, выделяться в среде сверстников он категорически не хотел, так что ряд привезенных из Америки вещей «на вырост» так и пролежали сорок лет новыми в сундуке, к большой радости дочерей, отыскавших совершенно новую американскую кожаную курточку, которая могла поспорить по оригинальности со многими «винтажными» брэндами. Тем не менее обидное прозвище «американец» не миновало его.

Владимир с детских лет увлекался радиотехникой. Несмотря на дефицит необходимых деталей, находя их буквально на помойках и вытаскивая из старых приемников, он самостоятельно собирал радиотехнические схемы и научился хорошо работать с паяльником. В школе он посещал радиокружок и участвовал в физических олимпиадах, где неоднократно занимал призовые места. В 1990 г., выехав на доволь-

но длительный срок в США (стажировка в Колумбийском университете, Нью-Йорк), Владимир был поражен, увидев в магазине игрушек электрическую железную дорогу из его американского детства, точно такую же, как та, что Мария Николаевна бережно сохранила. и в которую наши девочки и постоянно гостившие в нашем доме во время школьных каникул мальчики – мой младший брат Андрей, дядя девочек, и племянник Боря – играли в детстве под тщательным папиным приглядом и опекой. Борис до сих пор помнит эти фантастические игры и дядю Володю, который спокойно и невозмутимо брался за паяльник, придя усталым с работы, поскольку нужно было паять постоянно отстававшие старые контакты.

Школу Владимир закончил с золотой медалью. Принадлежа к узкому кругу детей высшей государственной номенклатуры, где принципы клановости были развиты чрезвычайно сильно и все дети стремились и были сподвигаемы родителями пойти торной дорогой карьеры отцов, где одна фамилия открывала все двери, он сознательно блестящую карьеру дипломата принес в жертву науке, физике, творческой работе, продемонстрировав незаурядные личностные качества в стремлении отстаивать свои интересы. Надо отдать должное отцу, он принял выбор сына, хотя настоятельно советовал ему последовать по его пути, на котором он мог бы оказать сыну всяческую поддержку.

Владимир всю жизнь учился, он ужасно не любил чего-то недостаточно хорошо знать. Когда путь научных интересов привел его к исследованию биоорганических объектов, он ощутил острую нехватку знаний сначала по химии (поскольку курс химии на физфаке был презираем студентами), а впоследствии и по биологии, и нашел решение этой задачи в том, что, несмотря на крайнюю занятость, сел снова на студенческую скамью сначала на химфаке, где прослушал полный курс органической химии, а затем на биофаке – биохимии. Привычку не оставлять вопросы без ответов мы постарались привить детям: наша библиотека содержала всевозможные справочные издания, начиная с детской энциклопедии, и, едва научившись читать, девочки должны были сами найти ответ на интересующий их вопрос.

Несколько слов об отношении Владимира к партийности, общественной деятельности. В юношеские годы во время учебы на физическом факультете МГУ, где фрондерские настроения большинства студенческой молодежи середины 50-х годов вступали в резкое противоречие с системой госноменклатуры, он был убежденным беспартийным, не принимая партийного диктата. В то время занятия наукой были удобной нишей, чтобы оставаться в стороне от общественной деятельности, занимаясь при этом любимым делом. Все изменилось в начале 70-х, когда расширение международных контактов раздвинуло горизонты научного сотрудничества, и необходимость поездок за рубеж поставила его перед дилеммой: сохранять свою беспартийность или поступиться в какой-то мере принципами во имя цели научных контактов, что было чрезвычайно необходимо для него ввиду мягкого перехода его научных интересов в сферу одной из самых передовых областей науки – молекулярную биологию, геновую инженерию. К тому же в 1971 г. акад. Ю. А. Овчинников предложил ему занять пост его заместителя в Институте биоорганической химии, что совершенно исключалось для человека беспартийного. И с 1972 года – Владимир Федорович член КПСС. Несмотря на то что он не испытывал склонности к административной работе, это было необходимо, так как расширяло возможности получения дополнительного финансирования собственного научного направления – ЯМР-спектроскопии, где вопрос финансирования стоял едва ли не первым номером, поскольку возможности решения более сложных задач структурного исследования веществ были напрямую связаны с разрешающей спо-

собностью ЯМР-спектрометров, цены на которые быстро возрастали по мере их совершенствования. Все новейшие приборы появлялись в Институте именно благодаря тому, что Быстров взвалил на себя тяжкий груз административных обязанностей. Во время строительства нового здания Института биоорганической химии Владимир курировал строительство со стороны дирекции. Стройка продолжалась без малого в течение 10 лет. И все эти годы у него в кабинете стояли охотничьи резиновые сапоги, только в них можно было совершать ежедневные инспекционные поездки на строительную площадку. С особой любовью и тщательностью он относился к строительству корпуса, где должен был размещаться отдел инструментальных методов анализа, поскольку для установки сверхчувствительных дорогостоящих приборов требовались специальные проектные задания: более мощный фундамент, шумоизолирующие стены, стабилизаторы вибрации и т. п. Ему приходилось по ходу дела приобретать специальные знания по строительству, а подчас и придумывать собственные оригинальные решения.

Я хочу более подробно остановиться на событиях, участницей которых я была лично. Стремясь создать научное направление и выйти на международную арену, Ю. А. Овчинников активно завязывал контакты с ведущими зарубежными учеными. Первая совместная с американцами конференция состоялась в августе 1976 г. в Юрмале (Латвийская ССР). Это был практически первый случай проведения таких конференций, особенно осложнявшийся полным отсутствием подобного опыта. Западные ученые были приглашены с женами, и Владимир считал, что мое присутствие на конференции было бы чрезвычайно полезным с точки зрения «наведения мостов», а недостаток опыта мы намеревались компенсировать «личным обаянием». Американцы, принимавшие участие в работе конференции, такие, как Э. Блаут, Э. Смит, впоследствии на долгие годы стали не только коллегами, но и нашими личными друзьями. Практика общения с иностранными учеными была чрезвычайно полезной для создания имиджа нашей науки за рубежом. Мы все старались, как могли: совершенствовали английский, готовили культурную программу для участников и особенно «для дам», что вначале вызывало даже некоторое раздражение, мол, уж очень мы перед ними стелемся. Но Юрий Анатольевич придавал этому огромное значение и особенно всегда с благодарностью говорил мне: «Наташа, так держать!» Мы были готовы по первому сигналу, бросив все свои дела, в любое время дня и ночи активно включиться в работу. Однажды из-за задержки рейса мы всю ночь просидели в аэропорту с букетами и лишь утром, приободрившись, с сияющими улыбками устремились навстречу заокеанским друзьям. Постепенно необходимость участия жен в этом процессе осознали все. Никогда не забуду тот подъем и чувство ответственности, которые охватывали меня, когда мы вместе с Т. Л. Овчинниковой и Р. А. Ивановой ожидали прихода в квартиру Овчинниковых на Звенигородской улице иногда до пятидесяти гостей. Кроме участников научной сессии заходили соседи-академики: нобелевские лауреаты Н. Г. Басов и А. М. Прохоров с супругами, а также Н. П. Федоренко и его жена, моя дорогая подруга и коллега Нина Владимировна. Предварительно приготовив столы для фуршета, мы помогали всех обслужить, со всеми перекинуться словом, всем улыбнуться и сохранять при этом легкий непринужденный вид, «порхая» из последних сил!

Двусторонние советско-американские пептидные симпозиумы стали регулярными, и так продолжалось некоторое время. Хорошо помню такой симпозиум, проводившийся в 1978 г. в Ташкенте. Ю. А. Овчинников, будучи депутатом Верховного Совета, обладал, конечно, неограниченными возможностями. Мы жили в лучшей гостинице Интуриста, и участников повсюду сопровождала милиция. Во время это-

го симпозиума нам посчастливилось лично познакомиться с Л. Полингом и его супругой. Культурная программа включала в себя поездки в Самарканд, Бухару и Хиву. С Полингами мы встречались и в дальнейшем. Вскоре практика двусторонних симпозиумов распространилась и на Швейцарию. В 1979 г. первый симпозиум прошел в Тбилиси, где состоялось наше знакомство с нобелевским лауреатом по химии В. Прелогом. В Тбилиси была организована очень неформальная культурная программа. Например, прием в Квартире-музее народного художника Грузии Ахвледиани, где в прекрасной гостиной со старинным роялем для нас пела Нани Брегвадзе, или поездка в горы в «охотничий домик» ЦК КПСС Грузии, поход в мастерскую известного грузинского чеканщика... Контакты расширялись, вместе с ними и наша научно-культурная деятельность. Мужчины с утра отправлялись на заседания секций, а мы с дамами – по своей программе, что вызывало всегда восторженные отзывы.

Владимир был человеком очень светским. Общение с иностранными коллегами было для него удовольствием. В свои лекции и доклады он всегда старался включить некие непринужденные детали, такие, как, например, маленький человечек на картинке сложной молекулы, который перетаскивал ее части при пространственных перегруппировках, или шутки на тему излагаемого предмета. Кокетничая, просил извинения за свой «simple English» и предлагал заменить его на sophisticated Russian. А однажды, когда председателем оргкомитета конференции был д. х. н. Н. Г. Абдуллаев, в заключительном слове Быстров отметил, что оргкомитет всячески старался облегчить общение между коллегами, например, предложил, чтобы все называли председателя просто – Надик, хотя на самом деле его следовало бы называть г. Абдуллаев Нажмудин Гаджи-Магомедович. Такие остроумные замечания были очень уместны, вносили всегда оживление и сопровождались смехом. Тем более что в конце 80-х гг., в связи с тем, что тематика конференций была связана с генно-инженерными вопросами, где наблюдался изрядный экономический бум, вызывавший яростную конкуренцию, общение между коллегами, по оценке Владимира, стало более сдержанным. Каждый старался больше узнать от других и меньше сказать о своих успехах. Некоторые американские коллеги, как Х. Мак-Коннел из Стэнфорда или Д. Ливи из университета г. Сиракузы (штат Нью-Йорк), сделали весьма неплохие деньги, организовав небольшие генно-инженерные фирмы, создававшие либо сами продукты, либо разрабатывавшие теоретическое обоснование их создания. Великолепные особняки, в которых нам довелось гостить в США во время нашей последующей поездки по стране, были тому свидетельством.

Апогеем научно-организационной деятельности команды Овчинникова явился конгресс Federation European Biochemical Societies (FEBS), который проходил в 1984 г. в двух столицах СССР: Алма-Ате и Москве. Тот, кто имел какое-либо отношение к организации даже симпозиумов или конференций, может себе представить, что такое было принять тысячу человек со всего мира, в том числе более десятка нобелевских лауреатов, и вообще – что ни участник, то с мировым именем, во все еще достаточно закрытой стране, какой она была в середине 80-х, да и еще при весьма ограниченном людском ресурсе. Оргкомитет возглавил, как всегда, Ю. А. Овчинников, а заместителями, тоже как всегда, были В. Т. Иванов и В. Ф. Быстров. Оргработа продолжалась около двух лет, постоянно нарастая. Ближе к проведению конгресса, они совсем перестали появляться дома. К тому же Овчинников повредил ногу, а Иванов где-то в марте слег с инфарктом. Нагрузка, которая пала на Владимира, перешла все мыслимые пределы. Но чувство долга, при-

витое ему с детства, когда он видел возвращавшегося с работы под утро отца, помогало ему пересиливать усталость. Он любил говорить: «Что нам делать, мамочка, мы люди государственные!»

Несмотря на нечеловеческое напряжение, конгресс стал настоящим праздником для всех нас. Первая часть проходила в Алма-Ате. Там VIP-участники были размещены на правительственных виллах, а все остальные – в гостинице ЦК КПСС Казахстана. Все согласовывалось на самом высшем уровне. Повсюду было милицеское сопровождение, банкет проходил в доме приемов правительства. В рамках культурной программы были организованы поездки на Медео, Чембулак, многочисленные концерты народного искусства. В Москве к конгрессу было приурочено официальное открытие нового здания института (правда, только небольшой его части – блока общего назначения (БОН)). Если кто видел здание Института биорганической химии им. акад. М. М. Шемякина и Ю. А. Овчинникова, то, возможно, заметил, что архитектурно оно представляет собой двойную спираль ДНК. Итак, в БОНе, аврально убранном мобилизацией всех сотрудников института, пахнувшем краской и лаком, но с прекрасно оформленным зимним садом, утопающим в цветах, проходила вторая и главная часть конгресса. Техническое оснащение конгресса было в то время из области фантастики: телевизионные экраны, звуковая трансляция по всему зданию, кино- и фотосъемка всего происходящего. В многочисленных холлах и маленьких аудиториях были организованы постоянно действующие пункты легкого питания: кофе, чай, бутерброды. На всю жизнь я запомню тот сказочный период, когда в течение целого месяца (поскольку кроме собственно конгресса проводились отдельные тематические симпозиумы, семинары, и участники приезжали и уезжали в течение месяца) в рамках культурной программы мы сопровождали наших дорогих гостей в Большой театр, пересмотрев почти весь его репертуар.

Но последствия такого чрезмерного перенапряжения не замедлили сказаться. Владимир тяжело заболел, вероятно, это были предвестники страшной болезни, но тогда диагностировалась инфекционная желтуха. Он довольно долго бюллетенил, обследовался, наблюдался у специалистов, и постепенно ситуация стабилизировалась. Он нисколько не снижал своей активности: также работал допоздна. Вспоминается эпизод, когда я, как всегда, уложив детей, ожидала его дома, поминутно выглядывая в окно и прислушиваясь к звуку лифта. С постройкой нового здания (мы шутили, что Быстров построил институт рядом с собственным домом) Владимир ходил на работу пешком, что занимало у него 15–20 минут. Его все не было, я стала волноваться, пробовала ему дозвониться, но тщетно. Когда он около двух часов ночи наконец появился, оказалось, что охрана, обходя здание, состоящее из отдельных запираемых блоков, закрыла его где-то между двумя переходами в районе часа ночи, поскольку никто не мог предположить, что заместитель директора может быть внутри до таких пор.

Он по-прежнему много занимался спортом: плавал, играл в теннис. С плаванием связано также множество воспоминаний. Мы познакомились, когда он, уже закончив университет, продолжал играть за сборную университета в водное поло. Я в то время, будучи студенткой химфака, занималась в секции прыжков в воду, и время нашей тренировки в бассейне МГУ было сразу после ватерполистов, а они всегда затягивали свою игру, и нам приходилось с ними сражаться. В дальнейшем он продолжал плавать в открытом бассейне в Лужниках в любую погоду. Старшая дочь Ирина вспоминает, как они с отцом к восьми утра в переполненном автобусе в зимнее время ездили в бассейн, где однажды в клубах пара она налетела на Вадима Ти-

хоновича Иванова (они плыли по одной дорожке навстречу друг другу) и, как она сама говорит, «чуть не убила» будущего академика и руководителя института. Эти «плавательные походы» в Лужники были также приятны для Владимира, они давали возможность встречаться с давними товарищами: Р. Г. Костяновским. Н. С. Зефировым, А. Прокофьевым. Стоит сказать, что благодаря Быстрову при строительстве нового здания института был запланирован современный спортивный комплекс, включающий закрытый бассейн, сауну, спортивные и тренажерные залы, теннисный корт, – задолго до появления их в массовом порядке.

Его нет с нами уже пятнадцать лет, и он всегда со мной. Наш союз был овеян счастьем. Мы родились в один день, и не просто день, а 31 декабря, в связи с чем постоянно шутили, говоря, что не могли пройти мимо такого факта, потому и женились. Этот день в нашей семье был троекратным праздником – два дня рождения и Новый год. Всегда было очень весело. Однажды, когда мы еще и не слыхивали ни о каких петардах и прочих шумосветовых эффектах, Владимир где-то раздобыл нечто подобное. Придя домой, он потихоньку открыл ключом дверь, подкрался к комнате, где мы все смотрели телевизор и ничего не слышали, и запустил в комнату «нечто», что со свистом и треском стало носиться по комнате, извергая искры и окутав всю комнату дымом. Мы все в ужасе попадали на пол. Когда дым рассеялся, нашим взорам предстал сияющий папочка, покрытый копотью и держащий в руке какую-то веревочку, а на местах, где «нечто» совершало посадку во время метания по комнате, зияли дыры...

На стене в детской до сих пор висит собственноручно нарисованная им для больной дочки Полины картина, изображающая корову и лошадь за деревенским забором, а в гостиной – огромное чучело омара, подаренное ему кем-то из восточных гостей. Вообще отцом он был прекрасным. Несмотря на полное отсутствие времени, он всегда помнил о просьбах детей и оказывался единственным из нас «самым свободным», чтобы писать письма дочке Полине в пионерский лагерь. Но и тут он проявлял научный подход: писал сразу много писем и потом каждый день отправлял. Даша маленькой девочкой очень хотела игрушечную коляску, купить которую в Москве не представлялось возможным. Будучи в Париже на конференции, Владимир нашел такую, она была весьма объемистой и тяжелой, и он предстал перед изумленными коллегами, державшими свои скромные мешочки с подарками, как настоящий джин, а сотрудница аэропорта даже закрыла глаза на некоторый перевес багажа, по-видимому, восхищенная таким проявлением отцовской любви. *Даша, увидев этот подарок, от неожиданности даже шлепнулась на колени!* Вообще его частые поездки за границу были изрядным подспорьем семейному бюджету и приносили в наш дом праздник, когда папа возвращался с подарками. *Недавно, разбирая старые вещи, я нашла в его портмоне многочисленные записочки от всех его девочек с заказами, что привезти, и его пометками относительно размера, цвета и т. д.*

Железная логика всегда его выручала. Однажды мы с ним поехали провести детей в пионерский лагерь Академии наук в Поречье. Здесь я сделаю небольшое отступление. В 80-е гг. в пионерском лагере с удовольствием отдыхали дети академиков и многих других впоследствии узнаваемых людей. Подругами наших дочерей были Катя Платэ, Оля Гольданская, Алена Кудряцева, Лиза и Катя Березовские, а с самим г. Березовским, в то время скромным старшим научным сотрудником академического института, мы в дальнейшем неоднократно дежурили в пансионате «Звенигородский» во время студенческих каникул, охраняя благопристойное поведение детей на вечерних дискотеках и ночных прогулках. Итак, мы расположи-

Семья Быстровых на отдыхе. Рига, 1982 г.

лись вместе с детьми на берегу с угощением, после чего усталый и замученный папочка мгновенно заснул. И так проспал все время, что мы провели с детьми, несмотря на мои тщетные попытки его разбудить. Когда мы возвращались домой, я, естественно, попеняла ему, – дескать, зачем ехал, если детей все равно не видел? На что он мне ответил: «не важно, что я их не видел, главное, что они меня видели». И вообще все делают гены и личный пример. Отец, постоянно находящийся на работе, воспитывает детей гораздо достойнее, чем лежащий с газетой на диване. В 1979 г. на банкете по поводу избрания Владимира членом-корреспондентом наш давний друг и коллега акад. И. В. Торгов в своем тосте отметил, что «мало кто может оценить, как трудно Владимиру Федоровичу быть главой семьи, состоящей из одних женщин!» Мы там все сидели рядом вокруг него: мама Владимира Мария Николаевна, я и дочери.

Владимир очень много ездил за границу, большей частью на научные конференции по своей специальности. Например, за пятилетний период с 1978 по 1982 гг. он совершил одиннадцать таких поездок. География его научных контактов была весьма обширной: Индия, Швейцария, США, Франция, Швеция, Италия, Мексика. Иногда он совмещал эти поездки с какими-либо поручениями организационного характера. Вспоминается, как отправившись в 1986 г. на конференцию по спектроскопии ЯМР в Бразилию он должен был одновременно заехать в Перу. Там в джунглях располагалась научная биологическая станция, где выделялись необходимые для исследований природные биологически активные вещества. Ю. А. Овчинников вызвал его и сказал: «Володя, заедь, пожалуйста, к Фиделю, открой там за меня этот центр, тебе все равно по дороге». Насколько по дороге из Москвы в Бразилию лежит остров Куба оставим судить читателю. В Гаване тогда должен был открыться построенный на наши деньги и оснащенный по последнему слову техники медицинский центр. Поскольку это поручение подоспело, когда Владимир был уже буквально «на колесах» и экипирован в расчете на Рио-де-Жанейро белыми штанами и такими же ботинками, то, поприсутствовав на открытии центра, он в таком же виде отправился и на правительственный прием к Ф. Кастро, где с полной принужденностью пил, ел и вел светскую беседу в своих белых штанах и ботинках среди официально одетых господ в смокингах и дам в вечерних туалетах. А в Перу в это же время как раз случился очередной военный переворот, и Владимир с сотрудником института Куделиным выбирались из сельвы, где была расположена биостанция, на свой страх и риск попутными средствами. Зато Рио-де-Жанейро его не разочаровал. Кроме, как всегда, интересной конференции там он почувствовал себя по крайней мере Остапом Бендером. Поскольку тогда нашим ученым не дозволялось ездить в дальние командировки в одиночку, вместе с Владимиром был его сотрудник Ю. Д. Гаврилов. В номере отеля они обнаружили буклет одной из крупнейших в мире ювелирных компаний и номер по которому можно вызвать бесплатный лимузин. К вящему изумлению Гаврилова, Быстров вызвал оный и они вместе отправились в самый шикарный магазин, где он долго с видом знатока разглядывал драгоценности, распивая шампанское. В общем, «отрывался по полной программе». Я думаю, что множество подобных историй хранятся в памяти людей, близко знавших Владимира или соприкасавшихся с ним.

Последние годы жизни Владимира были очень успешными для семьи. В 1988 г. поступила на экономический факультет МГУ средняя дочь Даша. В следующем 1989 г. старшая дочь Ирина, закончившая исторический факультет с красным дипломом, защитила кандидатскую диссертацию, и Владимир даже выкроил время присутствовать на защите. Он очень гордился дочерьми.

В. Ф. Быстров (слева) с лауреатом Нобелевской премии по химии К. Вютрихом

В том же году мы впервые выехали за границу вместе: Владимир получил приглашение прочитать лекцию в постоянно действующей летней школе в Италии на о. Сицилия. Вместе с нами среди приглашенных лекторов оказался нынешний академик К. Г. Скрябин с супругой Светланой. Мужчины, как всегда, заседали, а дамы, в том числе и многие уже знакомые мне по их прежним визитам в Москву, проводили время за приятной беседой в тени деревьев. Здесь мы поближе познакомимся с четой Вютрихов² из Швейцарии: Марианна вместе с одним из детей тоже сопровождала мужа. Обстановка, царившая в летней школе, потрясала. Местом проведения был выбран холм Эриче на южной оконечности острова. В Италии в жаркое время года принято ехать не к морю, а в горы, где в июле столь прохладно, что по вечерам невозможно обойтись без свитера. Все заведения питания в этом изолированном местечке (на холм Эриче ведет одна довольно крутая дорога, которая без труда контролировалась полицией) были предоставлены школярам. Для нас там все было бесплатно, достаточно было лишь расписаться на чеке. По вечерам ученое общество, сгруппировавшись по научным, личным или гастрономическим пристрастиям, располагалось в облюбованном заведении, где можно было сидеть за полночь на открытом воздухе. В главной обители (в прямом смысле слова, поскольку она располагалась в помещении бывшего монастыря) в подвале стояли огромные вкопанные в землю бочки: одна с красным, а другая – с белым вином. А подкрепиться чем-либо можно было круглосуточно. Так в нашем представлении должен был бы выглядеть коммунизм или рай. В общем, атмосфера была непринужденная. Тогда же я имела возможность оценить блестящий юмор К. Вютриха. На мое приглашение поехать на экскурсию на какие-то развалины, Курт ответил: «Наташа, я старый человек, я видел столько развалин на своем веку и скажу вам по секрету – все они одинаковые!» А Владимир в продолжение темы о развалинах заметил по поводу наших со Светланой Скрябиной возлежаний в тени развалин старого замка: «Развалины в развалинах». Он никогда не упускал случая пошутить.

Коллекцию его наград открывает золотая медаль об окончании средней школы. Затем последовал ряд правительственных наград, выдаваемых в советское время к юбилейным датам. Но отдельно следует отметить имеющие особое историческое значение две награды не существующих более государств: Почетный знак Общества германо-советской дружбы по случаю 40-летия ГДР и медаль им. Гейровского Академии наук ЧССР. На вручение первой из этих медалей, которое должно было состояться 27 сентября 1989 г., Владимир не попал, так как в это время находился в ГДР на ЯМР-ной конференции, после нее он решил ненадолго задер-

² Вютрих Курт – лауреат Нобелевской премии по химии за 2003 г.

жаться в Берлине у своего немецкого коллеги и стал свидетелем исторических событий, связанных с падением Берлинской стены и началом крушения социалистической системы. Медаль Академии ЧССР занимает достойное место в нашей семейной коллекции наград.

Так совпало, что я пишу эти строки, сидя в старой родительской квартире на Новинском бульваре за огромным (в метр шириной и два с половиной метра длиной) дубовым столом, окруженная старыми фотографиями, дневниками и записками Володиного отца Федора Петровича и погруженная в атмосферу детства и юности Владимира. Хожу мимо школы на Рочдельской улице, где он учился, и лишь не могу смотреть в сторону здания института, когда проезжаю мимо на автобусе: столь мучительно сжимается сердце от воспоминаний о былом счастье и о незаслуженно короткой человеческой памяти. Не хочу заканчивать на грустной ноте. Есть прекрасные дочери. Старшая, Ирина, – доктор исторических наук. Работая по своей теме, связанной с историей военно-промышленного комплекса России, она неоднократно встречала в Государственном архиве экономики документы, подписанные рукой ее деда, в каталоге Ленинской библиотеки есть отдельная табличка с именем Федора Петровича Быстрова. Средняя и младшая дочери пошли по его стопам, закончив экономический факультет МГУ, они избрали своей специальностью финансы. Средняя, Даша, финансовый менеджер почтово-транспортной международной фирмы DHL, вспоминает, как будучи школьницей, она с вечера оставляла для папы на кухонном столе тетрадь по математике, где что-нибудь не удалось решить, и, встав утром, всегда находила задачу с написанным решением. Проблема была только в том, чтобы его упростить до нужного уровня, поскольку решение было слишком сложным для школьной программы. Он это делал когда бы ни пришел домой.

Младшей дочери Полине, менеджеру в системе компаний Нестле, подарившей мне двух потрясающих внуков Арсения и Павла, повезло больше других, ей довелось поехать вместе с нами в США в 1990 г. во время стажировки Владимира. Она там училась в школе при Миссии СССР при ООН. Вспоминается такой случай. Когда мы приехали в Нью-Йорк, я пошла в миссию, чтобы получить разрешение от соответствующего чиновника на определение Полины в школу. Когда я пришла, товарищ выслушал меня без тени улыбки на лице, затем спросил: «А вы, собственно, как здесь оказались?» По-видимому, он не представлял себе, что советский человек, да еще с семьей, может оказаться в США, чтобы он об этом не знал. Я удержалась пошутить: «Вы, вероятно, так давно здесь сидите, что не знаете, что у нас в Советском Союзе перестройка». Тут он слегка улыбнулся и покачал головой: «Смело, смело вы себя ведете! Ну ладно, приводите девочку в школу. А вашему мужу скажите, чтобы он зашел к нам заплатить партвзносы». Я привела этот эпизод для того, чтобы напомнить, в какое время состоялась наша поездка. Мы уезжали из совершенно закрытой страны, были первыми ласточками, полетевшими с ветром перестройки!

Во время этой поездки мне открылся уровень международного авторитета Владимира среди специалистов в области ЯМР. Его научная деятельность многосторонне и подробно проанализирована А. В. Кессенихом³ в недавно вышедшей книге, я ему чрезвычайно благодарна, никто бы не сделал этого лучше. Владимира знали абсолютно все ЯМР-щики. Он прочел пару лекций в Колумбийском универ-

³ Кессених А. В. Владимир Федорович Быстров // Научное сообщество физиков СССР. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. С. 537–566.

ситете, где желающих послушать его было так много, что пришлось предоставить большую аудиторию. Затем последовали многочисленные приглашения от коллег со всех концов США. Мы посетили проф. М. Мильковича в Медицинском центре в Херши (штат Пенсильвания), проф. Д. Маркли в университете Мэдисона (штат Висконсин), проф. О. Джардецкого в Стэнфордском университете (штат Калифорния), проф. Э. Блаута в Гарварде (штат Массачусетс). Прочитал Владимир лекции в Национальном институте здоровья в Вашингтоне, и нам даже повезло посетить г. Файетвилль в родном штате будущего президента Б. Клинтона. Везде его принимали восторженно, слушали очень внимательно и всегда задавали массу вопросов. Лично для меня эта поездка памятна еще и тем, что я впервые ощутила чувство настоящей свободы.

Но, к сожалению, по возвращении из США на нас обрушилось огромное горе. Болезнь вернулась, и страшный диагноз прозвучал. Совместно с В. Т. Ивановым, А. С. Арсеньевым и нашими американскими друзьями Э. Блаутом (он обеспечил получение американской визы в течение двух дней, используя свои связи в Госдепартаменте), Барбарой Лоу (она смогла быстро договориться с хирургом в Медицинском центре Колумбийского университета) мы сделали невозможное и выехали снова в США, где провели еще три месяца. Проф. Диншо Патель принял нас у себя дома и в течение всего времени, когда Владимир находился в клинике, каждый день утром отвозил меня туда, а вечером забирал. Большую поддержку мне оказала находившаяся в то время в Нью-Йорке Линочка Соколовская, которая принимала самое трогательное участие во всех наших мытарствах и поддерживала меня. Мы пробовали все, включая не совсем отработанные методики иммунной терапии, но все было тщетно: наши титанические усилия успеха не принесли. Владимир скончался 13 августа. Я пишу эти строки именно в этот день. Его смерть потрясла коллег, которые еще совсем недавно встречались с ним, энергичным, бодрым, полным сил и планов. У меня хранятся более сотни открыток и телеграмм с соболезнованиями со всех частей света. Лауреат Нобелевской премии К. Вютрих, с которым мы многократно встречались на протяжении многих лет, организовал специальный выпуск «*Journal of Biomolecular NMR*», целиком посвященный памяти В. Ф. Быстрова. В статье памяти Владимира он, в частности, пишет: «Его вклад в науку и мировое сообщество ученых усиливался многолетней дружбой с коллегами в своей стране и за рубежом. Строгая точность ученого превосходно гармонировала с блестящим умом и теплым отношением с друзьями и коллегами»⁴.

Он ушел в самую прекрасную пору начала осени, когда лишь первые вестники увядания – мелкие листочки начинают опадать с берез. Мы посетили его на днях. Он спокойно спит под сенью деревьев, на Рябиновой улице, и листья медленно кружат над ним. Рядом покоятся такие же достойные сыны Отечества, большинство из которых так же, как и он, не узнали старости, отдав все свои силы служению долгу...

⁴ *Journal of Biomolecular NMR*. 1991. Т. 1. N 4. С. 312.

Л. А. ПИРУЗЯН

**ПРИРОДОЙ ОДАРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК –
АКАДЕМИК ИВАН ЛЮДВИГОВИЧ КНУНЯНЦ**

(к 100-летию со дня рождения)

Собранный, динамичный, острый в полемике, непревзойденный борец за справедливость в науке и в жизни, выдающийся ученый, один из гигантов органической химии современности – таким был Иван Людвигович Кнунянц. Как больно писать слово был. Но люди такого калибра всегда с нами. Бог одарил Ивана Людвиговича талантом – быть химиком. Его личность требует всестороннего изучения. Вы скажете, что у меня срабатывает инстинкт землячества. Это сущая неправда. Я хочу рассказать короткую историю. Некий молодой ученый, т.е. я, собираясь устраиваться на работу, входит в приемную секретаря. Посмотрев на посетителя и узнав фамилию, секретарь говорит: «Какие талантливые люди армяне!» Посетитель тоже был не из робкого десятка и спросил: «А как ваша фамилия?» Она ответила: «Саакян». Фамилия оканчивается на «ян», что предопределяет ее армянское происхождение.

Иван Людвигович – человек, без преувеличения, особо талантливый. Велик и непревзойден в молниеносности ответов. Быстродействие его сравнимо с компьютерами будущих поколений. Это от Бога. Этому нельзя научиться. Вспомню несколько фрагментов моих встреч.

Иван Людвигович, будучи известным ученым, умел восхищаться способностями коллег. Он рассказывал про Роберта Бернста Вудворда – лауреата Нобелевской премии «За выдающийся вклад в искусство органического синтеза» (1965). У Р. Б. Вудворда стажировался выдающийся химик А. Н. Кост. Хочется привести слова Вудворда: «Люди, которые прошли нашу школу, способны выполнить любое задание на самом высоком уровне. Такую подготовку могут дать только фундаментальные исследования». Как ни парадоксально, у нас в стране планомерно начали сокращать фундаментальную науку под разными предлогами. Р. Б. Вудворд писал химические уравнения на доске двумя руками встречно. Иван Людвигович в разговорах, вспоминая, восхищался такой необыкновенной одаренностью – объемным представлением последовательности встречного написания химических уравнений.

С большой теплотой и безмерной уважительностью Иван Людвигович относился к Н. Н. Семенову. Он говорил: «Николай Николаевич – гениальный ученый. Однако жаль, что природа не дает вечной жизни таким людям, как Н. Н. Семенов».

Иван Людвигович обладал пророческим даром в науке. В начале 1970-х гг. он был одним из инициаторов создания скрининговой системы биологических испытаний химических соединений. Мы были первыми. В настоящее время возможны испытания большого массива химических соединений на биологическую активность для поиска лекарств. В журнале «Science» в 1998 г. были перечислены десять